

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17043

EDN: FVNMKI

Концепции русского реализма в англо-американской славистике

С. Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(г. Нижний Новгород, Российская Федерация)*

e-mail: svetlakor0808@gmail.com

Аннотация. Термин реализм — один из наиболее спорных в литературоведении. Его содержание к середине XIX в. утвердилось на фило-софском основании позитивизма. Ко второй половине 1960-х гг. термин, как и сам реалистический способ изображения мира в литературе, начал системно подвергаться критическому осмыслению в зарубежной и отечественной науке. Значимыми вехами на этом пути в зарубежной гуманитаристике стали работы Р. Барта, Ц. Тодорова и Н. Гудмена, а в отечественной науке о литературе — труды А. М. Гуревича, В. М. Марковича, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова. Зарубежные ученые шли по пути постструктурализма и деконструктивизма, сходясь в тезисе о том, что любой реализм создается дискурсом, убеждающим в реальности изображаемого. Отечественная наука продолжила традиции герменевтики и исторической поэтики. В английской славистике XX в. русский реализм получил осмысление в двух концепциях, расходящихся как с «общезападными», так и с русскими вариантами его осмысления. Первой из них стала этнокультурная концепция М. Бэринга. Она уловила в русской литературе от Пушкина до Чехова соответствие национальному характеру и выделила в ней сочетание поэтики обычной жизни, имманентного «чувства реальности» и гуманности. Д. С. Мирским была задана вторая (принципиально внерелигиозная) концепция. В качестве ведущих черт русского реализма она выделила поэтизацию действительности, скрытый морализм и сочувствие автора героям. К 1940-м гг. концепция сочувствующего (sympathetic) реализма синтезировалась с этнокультурной и закрепилась в английской славистике как доминантный взгляд. Под влиянием структуралистских идей она постепенно изменилась: к 1960-м гг. получил распространение дискурсивный подход, фокусирующийся на приемах убеждения в соответствии созданного образа мира реальности. В англо-американских работах 1970–1990-х гг. нашла выражение новая позиция — унификация подхода к классической

русской и европейской литературе XIX в. с опорой на теории социально-исторического детерминизма и постструктурализма. В начале XXI в. в англоязычных исследованиях русского реализма обозначился постколониальный вектор. Потенциал обращения к православному миропониманию как сюжетной и аксиологической основе классического русского романа, намеченный в английской (и французской) славистике на рубеже XIX–XX вв., оказался невостребованным.

Ключевые слова: англо-американская славистика, этнокультурная концепция русского реализма, концепция сочувствующего (sympathetic) реализма, психологический детерминизм, постструктурализм, постколониальная теория

Для цитирования: Королева С. Б. Концепции русского реализма в англо-американской славистике // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 261–288. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17043. EDN: FVNKMI

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17043

EDN: FVNKMI

Concepts of Russian Realism in Anglo-American Slavic Studies

Svetlana B. Koroleva

*Linguistics University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)*

e-mail: svetlakor0808@gmail.com

Abstract. The term realism is one of the most controversial in literary studies. By the mid-19th century, its content had been established on the philosophical foundation of positivism. By the second half of the 1960s, the term, as well as the realistic mode of depicting the world in literature itself, began to be systematically subjected to critical reflection in foreign and domestic scholarship. Significant milestones on this path in foreign humanities included the works of R. Barthes, T. Todorov, and N. Goodman, and in domestic literary scholarship, the works of A. M. Gurevich, V. M. Markovich, I. A. Esaulov, and V. N. Zakharov. Foreign scholars followed the path of poststructuralism and deconstructivism, converging on the thesis that any realism is created by a discourse that convinces of the reality of what is depicted. Russian scholarship continued the traditions of hermeneutics and historical poetics. In 20th-century English Slavic studies, Russian realism was conceptualised in two ways, diverging from both the “general Western” and the Russian approaches to it. The first was M. Baring’s ethno-cultural concept. It captured in Russian literature from Pushkin to Chekhov a correspondence to the national character and singled out its combination of the poetics of everyday life, an immanent “sense of reality,” and humaneness. D. S. Mirsky pioneered the second (fundamentally non-religious) concept.

As the leading features of Russian realism, it singled out the poeticisation of reality, concealed moralism, and the author's sympathy for the characters. By the 1940s, the concept of "sympathetic" realism had been synthesised with the ethnocultural one and became established in English Slavic studies as the dominant view. Under the influence of structuralist ideas, it gradually changed: by the 1960s, a discursive approach focusing on the techniques of persuading the reader that the created image of the world corresponds to reality became widespread. In Anglo-American works of the 1970s–1990s, a new position found expression — the unification of the approach to classical Russian and European literature of the 19th century, based on the theories of socio-historical determinism and poststructuralism. At the beginning of the 21st century, a postcolonial vector emerged in English-language studies of Russian realism. The potential for turning to the Orthodox worldview as the plot and axiological foundation of the classic Russian novel, identified in English (and French) Slavic studies at the turn of the 19th and 20th centuries, proved unclaimed.

Keywords: Anglo-American Slavic studies, ethnocultural concept of Russian realism, concept of sympathetic realism, psychological determinism, poststructuralism, postcolonial theory

For citation: Koroleva S. B. Concepts of Russian Realism in Anglo-American Slavic Studies. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 2, pp. 261–288. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17043. EDN: FVNKMI (In Russ.)

Ровно 10 лет назад, в 2016 г., американская славистка Молли Брансон выпустила в свет книгу под интригующим названием «Русские реализмы» (*Russian Realisms. Literature and Painting, 1840–1890*); в 2022 г. она была издана в русском переводе в партнерстве российского и американского издательств [Брансон]. Оба издания снискали известность у интеллектуального читателя (см.: [Васильева], [Varieties...]). При этом сенсационных открытий исследовательница не только не делает, но и не претендует на них¹. Отдельные страницы из истории русской реалистической прозы и живописи второй половины XIX в. описаны в книге с позиции взаимопроникновения двух искусств.

---

¹ Поясняя свои взгляды на реализм, М. Брансон апеллирует к определениям Р. Уэллека и Р. Якобсона, особо останавливается на суждениях Э. Ауэрбаха и И. Паперно об особенностях русского реализма, стремящегося к изменению действительности [Паперно] и стремящегося соединить реалистическое изображение жизни с трагическим мироощущением [Ауэрбах: 512–515]. Однако внешне опираясь на эти суждения, она разворачивает их содержание в постструктуралистскую (в духе Р. Барта, на которого и ссылается) интерпретацию русской классической прозы и живописи как произведений, эффективно создающих иллюзию реальности.

Возбуждающее же читательский интерес название указывает на специфическую цель: увидеть в русской классической живописи и литературе не более чем разные способы создания эффекта реальности изображенного — эффекта, в котором сама книга постоянно подчеркивает иллюзорность.

Отсюда предельное внимание к экфрастичности произведений русских классиков и отсюда же — излюбленные словосочетания: «достичь более убедительной иллюзии человеческого опыта», «ложные зрительные впечатления», «вовлечь зрителя в живые повествования», «оптические иллюзии» и т. п. [Брансон: 50–51]. Фактически, разговор о реализме русской живописи и литературы XIX в., об отличительных свойствах его содержания и формы в книге М. Брансон переводится в разговор об отдельных способах изображения реальности — риторических приемах убеждения читателя или зрителя в подлинности создаваемой художественной картины мира.

Эта идея для теории реализма не нова — новы несколько обличительный пафос относительно иллюзорности создаваемой писателями и художниками реальности и фокусировка на вхождении живописного в романное слово и, наоборот, вербального текста в живопись. Между тем проблема русского реализма в традиции западной славистики рассматривалась подробно. Более того, в английских исследованиях уже в первой трети XX в. оформились концепции, в которых русскость, английскость и французскость были особым образом осмыслены и синтезированы.

Как таковой термин *реализм*, как известно, один из наиболее спорных и содержательно размытых в литературоведении. Его содержание к середине XIX в. в русской и европейской литературе и критике в целом утвердилось на философском (просветительском по своему происхождению) основании позитивизма: реализм понимался как направление, стремящееся утвердить идею «социально-психологического» и «исторического детерминизма» (см.: [Захаров, 2001: 7, 8]), дать картину правдивого, типичного и в то же время конкретно-образного воссоздания закономерностей в развитии общества и осуществлении в нем жизни частного человека (см.:

[Полубояринова: 57])². В первой же половине XX столетия в отечественной науке о языке и литературе термин получил новую «легитимацию» на эстетико-стилистическом основании — как «тип словесного изображения, предполагающий единство изображаемой действительности и эстетическое равноправие всех ее явлений» [Маркович: 178–179], как способ «изображения конкретности, вещественной и психологической», «действительности, противоречивой и бесконечно разнообразной в своем единстве» [Гинзбург: 74]³.

Ко второй половине 1960-х гг. термин *реализм*, как и сам реалистический способ изображения мира в литературе, начал системно подвергаться критическому осмыслению в зарубежной и отечественной науке. Значимыми вехами на этом пути в зарубежной гуманитаристике стали теоретические работы французских мыслителей Р. Барта («Эффект реальности» / *L'effet de réel*, 1968) и Ц. Тодорова («Представление» / *Présentation*, в книге *Littérature et réalité*, 1982), американского философа Н. Гудмена («Реализм, релятивизм и реальность» / *Realism, Relativism, and Reality*, 1983) (см.: [Полубояринова: 59–61]). В отечественной же науке о литературе — работы А. М. Гуревича («Проблемы типологии русского реализма» (1967) и «Три стадии русского реализма» (1995)), В. М. Марковича («Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX века» (1993) и «Пушкин, Чехов и судьба "лелеющей душу гуманности"» (1997)), И. А. Есаулова («Критический реализм», 2000) и В. Н. Захарова («Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы)», 2001), обращенные к исключительно русскому материалу.

² Ср.: В книге Д. Благого, предложившего в начале 1960-х гг. итоговую «формулу реализма» в литературе, это направление определяется как «художественно правдивое отражение объективно существующей действительности и внутреннего мира человека, <...> проникающее в существо изображаемых явлений, в их общественную обусловленность и исторический смысл, отражение общественно-типическое, но осуществляемое <...> чувственно-конкретно, <...> во всем многообразии и богатстве, присущих частному, единичному, индивидуальному» [Благой: 10].

³ В. М. Маркович в статье «Пушкин и реализм. Некоторые итоги и проблемы изучения проблемы» указывает на преимущество этой идеи по отношению к суждениям, высказанным В. В. Виноградовым, а также на соотнесенность размышлений М. М. Бахтина о романном слове именно с этим кругом суждений. См.: [Маркович: 179–180].

Зарубежные ученые шли в основном по обобщающе-абстрагирующему пути постструктурализма и деконструктивизма, сходясь в тезисе о том, что любой реализм есть своеобразное «пространство коммуникации», создающее убеждающий дискурс реальности (см.: [Полубояринова: 60]), и что в целом типы реализма различаются способами и приемами убеждения, совпадающими с читательскими ожиданиями или же конструирующими их⁴.

С этой логикой отчасти схожи наблюдения над пушкинским стилем Ю. М. Лотмана — те, которые сфокусированы на приемах создания «образа или ощущения внетекстовой реальности» [Маркович: 181], на столкновении литературных условностей и принципе неисправляемых противоречий, призванных создать впечатление «выхода за пределы любых застывших форм литературы в область непосредственной жизненной реальности» [Лотман, 1995b: 410].

При этом отечественная наука в целом в попытках определения сущности реализма продолжила традиции герменевтики и исторической поэтики. Стремясь глубже вчитаться в текст, автора и национальную культуру, она увидела в поэтике русской литературы XIX в. существенные отличия от западноевропейского реализма: «синтетичность» эстетики, «жажду преобразования человека и общества» — в определении А. М. Гуревича [Гуревич: 12]; «парадоксальное сочетание эмпирического и мистериального» (и других разнородных по своему происхождению начал) в художественной системе «высокого» русского реализма — в суждении В. М. Марковича [Маркович: 194]; «христианский онтологизм» [Захаров, 2025: 222], который «за социальными, психологическими и историческими явлениями» высвечивает «иной план бытия» — в формулировке В. Н. Захарова [Захаров, 2001: 8]. В то же время,

⁴ Ср. в книге выдающегося американского философа Нельсона Гудмена «Способы создания миров» (*Ways of Worldmaking*, 1978), где, в частности, утверждается, что «правильность описаний, представлений, экземплификаций, выражения — композиции, рисунка, дикции, ритма — прежде всего вопрос соответствия тому, к чему осуществляется та или иная референция, или другим представлениям, или способам и методу организации. Различия между соответствием версии миру, мира — версии и версий — друг другу или другим версиям исчезают, когда признана роль версий в создании миров, которым они соответствуют» [Гудмен: 253].

в концепции В. М. Марковича, стержнем, связующим русскую классическую литературу — от Пушкина до Чехова, является «ледеющая душу гуманность» — воспитание человечности [Маркович: 248].

В английской славистике XX в. русский реализм от Пушкина до Чехова получил осмысление в двух своеобразных концепциях, расходящихся отчасти как с западным пониманием реализма в литературе в целом, так и с русскими вариантами осмысления сущности русского реализма. Хронологически первой из них стала *этнокультурная концепция русского реализма*, разработанная М. Бэрингом — английским дипломатом, журналистом, писателем, переводчиком, автором книг о русской истории, литературе, культуре, а также составителем антологии русской поэзии для «русских факультетов» Англии⁵. Суть этой концепции изложена в его научно-просветительских книгах «Вехи русской литературы» (*Landmarks in Russian literature*, 1910) и «Очерк истории русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914). Она определяется выявлением в русском реализме специфических черт, присущих именно ему: в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого Бэринг замечает разнообразные проявления имманентной реалистичности, присущей русскому национальному характеру, — свойства, о котором Бэринг подробно рассуждает в книгах «Русский народ» (*The Russian People*, 1911) и «Истоки России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914).

Стремясь пояснить свое понимание уникальности русской литературы английскому читателю, Бэринг посвящает всю вторую главу «Вех...» размышлениям о том, что главной чертой как русской поэзии, так и русской прозы является *реалистичность*, под которой он понимает «близость к природе» и «любовь к действительности» (“closeness to nature, its love of reality”) [Baring, 1910: 17]. Понимая, что вступает на шаткую почву литературной терминологии, Бэринг специально оговаривает, что использует слово ‘realism’ не в том значении, в котором им оперируют натуралисты во главе с Э. Золя и современные английские и французские литературные

⁵ Подробнее о деятельности М. Бэринга, связанной с изучением и распространением знаний о России, см., в частности: [Королева, 2025].

критики. Под «реализмом» («реалистичностью») русской поэзии он понимает ее особенную «приземленность» ('earthy') и связывает это качество со «здравым смыслом» ('common sense') и фактической точностью ('matter-of-fact quality') [Baring, 1910: 25]. В качестве примера Бэринг указывает на «величайших русских поэтов» ("the greatest Russian poets") Пушкина и Лермонтова, которые «извлекают поэзию из обыденности» ("extract poetry from the daily life") [Baring, 1910: 26]. Не только поэзия, но и вся русская литература, и даже фольклор, по мысли английского интеллектуала, отличаются от соответствующих явлений европейской культуры своей «укорененностью в действительности» ("a quality of matter-of-factness") [Baring, 1910: 27].

Говоря в «Очерке...» о произведениях Пушкина, Бэринг различает реализм как имманентную укорененность действительности и реализм как эстетическую ориентацию на (говоря словами Ю. М. Лотмана) «правду простой жизни и точного смысла» [Лотман, 1995а: 195]. Суждение о русском реализме как литературном направлении, которому свойственна поэтика «обычной жизни» и «русского характера», Бэринг применяет в «пушкинской» главе и к Пушкину, и к Толстому. При этом, открыто соглашаясь с Достоевским в том, что поэтом «глубоко русским» (наравне с чувством реальности) Пушкина делает «всеобъемлющая гуманность» ("this all-embracing humanity") [Baring, 1915: 96], Бэринг не прямо высказывает, но подразумевает в самой сути русского реализма сочетание врожденного «чувства реальности» с гуманностью и высшей (свойственной русскому человеку) формой ее проявления — «всечеловечностью» ("Dostoyevsky calls him *πανάνθρωπος*") [Baring, 1915: 96]. Под последней при этом он подразумевает отнюдь не православное мировоззрение⁶, не «христианскую любовь к ближнему», «высшей мерой» которой является «Богочеловек Христос» [Буданова: 207], но (как тут же поясняет) «способность понять все и всех» ("this capacity for understanding everything and everybody") [Baring, 1915: 96].

⁶ Ср.: «...понимание национальной сущности русского человека, Пушкина как его высшего проявления Шевырев и Достоевский связывают с Православием» [Цветкова: 140].

Идея этого сочетания отчасти реализуется в его характеристиках русской прозы XIX в. В частности, сопоставляя с Толстым Достоевского по масштабу гениальности и противопоставляя их мировоззрение и стиль, Бэринг указывает на чудесное свойство романов последнего приоткрывать тайны духовной жизни (“Dostoyevsky seems to get nearer to the unknown, to what lies beyond the flesh, than any other writer”), выражать смирение и христианскую любовь (‘submission’, ‘humility’, ‘the divine aura of love that is in the Gospels’), сообщать читателю вдумчивое отношение к жизни (‘sweet reasonableness’) [Baring, 1915: 212–213, 222] и духовный оптимизм. На последнем свойстве книг Достоевского он останавливается особо, определяя в качестве его основного источника православные взгляды писателя: «Достоевский был подлинно верующим, энергичным апостолом православия» (“Dostoyevsky was a practising believer, a vehement apostle of orthodoxy”) [Baring, 1915: 212)]⁷.

Гуманность (‘humanity’) Бэринг выделяет как важнейшую черту искусства Чехова. Соглашаясь с Толстым в том, что его младшего современника можно считать «фотографом» (“The tone of his work <...> resembles, as Tolstoy said, that of a photographer”), реализующим установку на «объективный реализм» (“objective realism”), Бэринг тут же оговаривает, что чеховский «пессимизм» смягчен «чувством юмора и гуманностью» (“his pessimism is counteracted by <...> his sense of humour and his humanity”) [Baring, 1915: 246].

Суждение Бэринга о том, что русский реализм основан на внерациональном чувстве реальности, укорененности национального сознания в почве природы и культуры, воспроизводится почти дословно в послевоенной научно-популярной книге «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*), вышедшей в 1947 г. из-под пера Янко Лаврина, профессора славистики в университете Ноттингема. Сущность пушкинского реализма он описывает как “matter-of-factness”, повторяя «словечко» М. Бэринга. И отстаивает

⁷ Ср.: Н. Я. Абрамович в 1914 г. пишет о Христе как «опорной точке мирозозерцания» Достоевского [Абрамович: 9]. «Апостолом Христа» называет писателя веком позже Н. К. Симаков [Симаков]. Схожие мысли встречаем у прп. Иустина (Поповича), Оскара фон Шульца и др.

мысль об имманентности пушкинского «чувства реальности», опираясь на такие внерациональные его признаки как «интуиция» и «дух»: «Его [Пушкина] интуиция жизни шла от самой жизни во всем ее разнообразии» (“His intuition of life came from life itself in all its diversity”); в пушкинском творчестве объединились «лучшие традиции Запада» и «подлинный дух России» (“the finest traditions of the West are perfectly blended with the true spirit of Russia”) [Lavrin: 73, 75].

Отмечая различные черты пушкинской поэтики, живо воспринятой русскими писателями: типы «лишнего человека» (the “superfluous man”) и «маленького человека» (the humble “little man”) [Lavrin: 203–205], различные сюжетные ходы, включая «мотив Татьяна-Онегин» (“the Tatyana-Onegin motive”) и открытую концовку (“an inconclusive ending”) [Lavrin: 207, 209], он особо указывает на мягкий юмор, в котором слышна «интонация личной вовлеченности и сочувствия» (“a note of personal affection and pity”) [Lavrin: 209]. И обобщает: именно пушкинский «ясный классический реализм» (“his lucid classical realism”) [Lavrin: 199] задал такое направление русской литературе, в котором «душа нации» смогла «найти свой правдивый образ и свое истинное выражение» (“the soul of his nation can look for its true image and self-expression”) [Lavrin: 213].

Можно сказать, что некоторые начатки представления о «христианском реализме» (а точнее, вероятно, было бы говорить о *православном* реализме (см.: [Захаров, 2001: 10, 20]; ср. со словами В. Г. Белинского о «внутренней красоте человека и лелеющей душу гуманности» [Белинский: 339]) оформились в английской славистике в 1910-е гг. в трудах М. Бэринга и его этнокультурной концепции реализма⁸, а десятилетием позже

⁸ Внимание к православной основе русской культуры характерно для трудов М. Бэринга — видимо, в связи с его собственными напряженными религиозными поисками. Две главы книги о русском народе (*The Russian People*, 1911) он посвящает истории русского Православия и основному содержанию его догматов, а также вопросам религии в России. В другой же своей книге (*The Mainsprings of Russia*, 1914) он утверждает, что любит «в русских людях» нечто «вечное, универсальное, великое»: «любовь к людям» и «веру в Бога» (“... what I love and admire in the Russian people is <...> something eternal, universal, and great — namely, their love of man and their faith in God”) [Baring, 1914: 322].

исподволь проявились в концепции Д. С. Мирского. Объединила их акцентуация гуманности по отношению к изображаемым характерам и явлениям. Собственно говоря, на путях объединения этих концепций в 60-е гг. XX в. в английскую славистику вошло представление и о двух планах русского реализма.

Д. С. Мирским — «автором лучших на английском языке книг по истории русской литературы» [Казнина: 218], сформировавшим «своеобразный канон русской литературы для западного мира» [Ефимов: 3], — была задана вторая (полемизирующая с первой, но не противоречащая ей) в истории английской критики концепция русского реализма. Она может быть названа *концепцией сочувствующего (sympathetic) реализма*, и, как мне кажется, именно она получила преимущественное значение для англоязычной славистики.

В главе о Пушкине «Истории русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1925) Мирский, в частности, утверждает, что «реализм "Онегина" — тот своеобразный русский реализм, который поэтизирует реальность без идеализации и без упрощения. Это тот самый реализм, который будет жить в романах Лермонтова, Тургенева, Гончарова, в "Войне и мире" и в лучших произведениях Чехова» (“The realism of *Onégin* is that peculiarly Russian realism which is poetical without idealizing and without surrendering anything of reality. It is the same realism that will live again in *Lérmontov's* novel, in *Turgenev*, in *Goncharóv*, in *War and Peace*, and in the best of *Chékhov*”) [Mirsky, 1949: 88–89]. Для прозы русского реализма, указывает Мирский, характерна и общая сюжетная схема пушкинского романа в стихах, и отчасти его скрытый морализм. При этом, в отличие от Бэринга, Мирский в пушкинском реализме видит отнюдь не реализацию свойственной русскому человеку вообще укорененности в действительности, но проявление гения, связанного с высокой дворянской культурой (пост)петровского толка [Mirsky, 1989: 120–122].

Различая в русском реалистическом романе XIX в. влияние Лермонтова и Гоголя, Белинского и Любоумров, Жорж Санд, Диккенса и европейского романа этого времени [Mirsky, 1949: 170], подчеркивая, что близость чеховских характеров

объединяет их в общечеловека ('man in general'), к которому автор неизменно испытывает сочувствие, Мирский снова выделяет в общем содержании, пафосе русского реализма пушкинский вектор и определяет его как «одинаково человеческое отношение ко всему человечеству», равное «сочувствие к людям» без различия их происхождения, социального положения и моральных принципов ("an equal, level, human treatment of all humanity <...> a sympathetic attitude to human beings, without distinction (not only of class but) of intrinsic moral significance"). Подводит же итог его размышлениям очень спорная в своей простоте и экзистенциально-философской направленности формула: «Люди не хороши и не плохи, они только более или менее несчастны и достойны сочувствия» ("People are not good or bad, they are only more or less unhappy and deserving of sympathy")⁹ [Mirsky, 1949: 170].

В этом общем выводе Мирского о сущности русского реализма читается, помимо субъективного взгляда самого исследователя, рецептивный опыт Европы, на который он и указывает, определяя эту формулу как «послание» русских писателей «человечеству», прочитанное Европой именно таким образом ("This was what Europe accepted as their message to mankind") [Mirsky, 1949: 171]. В пользу суждения Мирского об этом общем внерелигиозно-гуманистическом векторе восприятия русского романа XIX в. в Европе говорит, например, представление Дж. М. Мерри, одного из наиболее авторитетных литературных критиков в Англии этого времени, о Достоевском: в его творчестве Мерри увидел «не отказ от чего-либо в человеческом естестве, но, скорее, полное его воплощение. В отчаянном и смелом воплощении человеческого естества заключено величие Достоевского» ("To believe in that

⁹ Принципиальной внерелигиозностью отличается оценка Мирским пушкинской поэзии и пушкинского мировоззрения. В своей программной статье 1923 г. он определяет отношения Пушкина с «запредельным» как отношения деиста, черпающего вдохновение в античности: «Мир Пушкина был миром с обозначенными пределами, миром людей и трансцендентных неизменных законов; <...> Бог, существующий или нет, был для Пушкина не живой личностью, а лишь непостижимой и иррациональной Первопричиной законов, которые управляют вселенной Человека. В мире Пушкина скорее судьба, а не Бог, является хозяином». См.: [Мирский: 62–63].

which Dostoevsky believed is to have abrogated nothing of one's humanity; it is rather to have fulfilled humanity. In this desperate and courageous fulfilment of humanity lies Dostoevsky's greatness" [Murry: 260].

Против суждения Мирского, казалось бы, свидетельствуют как вышеприведенные высказывания М. Бэринга о Достоевском и Пушкине, так и знаменитая книга французского дипломата, писателя, историка литературы Э. М. де Вогюэ «Русский роман» (*Le Roman Russe*, 1886). Она, как известно, значительно повлияла на восприятие русской литературы в Европе — в том числе, в Англии (где она была опубликована в 1913 г.). Вогюэ прославляет в русской литературе христианское начало и указывает на ее «исключительную красоту» в связи с «духом сочувствия», очищенным и освященным «духом Нового Завета» (“Russian writers <...> like the English gave realism a superior beauty moved by the same moral spirit of a compassion, cleansed of all impurities and glorified by the spirit of the Gospels”) [Vogüé: 18].

При этом и в книге Вогюэ, и у Бэринга христианское начало русского реализма связывается в первую очередь с сочувствием (‘compassion’) и милосердием (‘charity’). Согласно Вогюэ, «именно русскому роману удалось соединить желанный и отвечающий потребностям "нового сознания" анализ, понимание сложности мира и человека и умение запечатлеть эту сложность с <...> милосердием, человеколюбием ("la charité")» [Трыков: 137]. В целом, способ понимания евангельской любви через сочувствие и милосердие соответствует гуманистическому, а не собственно религиозному взгляду на мир. Не случайно в принципиально внерелигиозной эссеистике этих лет английской писательницы В. Вулф слова «дух» (‘spirit’), «душа» (‘soul’) и «психология» (‘psychology’) [Woolf, 1966: 108–109] встают рядом как синонимы, а «русская точка зрения» связывается с призывом «в мире, разрывающемся от страданий», «понять и принять страдающих рядом с нами <...> всем сердцем» (“the assumption that in a world bursting with misery the chief call upon us is to understand our fellow-sufferers <...> with the heart”) [Woolf, 1925: 245].

В то же время наравне с милосердием и Вогюэ, и Бэринг отмечали в русском человеке живое мистическое чувство.

Бэринг писал о том, что русский крестьянин — мистик [Baring, 1914: 47]; Вогюэ говорил о мистицизме как о существенной черте русского духа [Трыков: 140]. Однако этот «заход» в глубину русского национального характера, связанный в обоих случаях с поисками живой веры в католицизме, с личной неудовлетворенностью рациональностью и прагматизмом современной им европейской культуры, с погружением в русскую (в том числе, духовную) жизнь¹⁰, не нашел продолжения в английской славистике.

К 1940-м гг. принципиально внерелигиозная концепция *сочувствующего реализма*, непохожего на реализм европейский, закрепились в английской славистике как доминантный взгляд на русскую классическую литературу. В то же время она получила развитие в некотором синтезе с этнокультурной концепцией Бэринга, поскольку при недостаточном внимании к литературно-философским источникам и причинам его (русского реализма) своеобразия был акцентирован момент этнокультурный. Так, в книге известного британского философа, профессора Оксфордского университета, а в поздние годы — университета Флориды Ричарда Хэйра (Richard Hare) «Русская литература от Пушкина до наших дней» (*Russian Literature from Pushkin to the Present Day*, 1947) говорится как о факте, доподлинно установленном наукой, о том, что «русская литература, начиная с Пушкина, обладает уникальным свойством. Оно состоит в том, что, базируясь на достижениях других литератур <...>, она в то же время глубоко укоренена в родной почве русской жизни» (“Russian literature since Pushkin has this unique characteristic. That it was at once based on the previous achievements of foreign literatures <...>, and at the same time deeply rooted in the native soil of Russian life” [Hare: VIII]). При этом в кратком описании пушкинского реализма

¹⁰ Бэринг принял католичество в возрасте 35 лет и считал это самым важным решением в своей жизни. В России он провел около 7 лет в качестве корреспондента лондонской газеты; его переход в католическую веру происходил, в том числе, под влиянием его знакомства с русским православием и русским крестьянством. Вогюэ был выходцем из аристократической семьи и приверженцем католической веры по рождению и (в зрелом возрасте) по убеждениям. В качестве секретаря французского посольства он прожил 5 лет в России, где женился на русской аристократке, фрейлине Александре Анненковой.

целиком приводится перевод «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»), выполненный М. Бэрингом, что указывает на внимательное чтение Хэйром трудов своего предшественника¹¹.

Тезис о русскости и «европейскости» русской литературы XIX в. разворачивается далее в сопоставление европейских и русской культур этой эпохи в параметрах веры в исторический детерминизм и социальный прогресс и в противопоставление русского реализма западному в параметрах объективности и овнешненности. Хэйр уверенно говорит о том, что «в своих наиболее живых и совершенных проявлениях русская литература далека от той фотографической "реалистичности", смысл которой вкладывают в понятие "реализм" для обозначения конкретных форм западной литературы и искусства» (“when it is most intensely alive and tangible, Russian literature is far from being ‘realistic’, in the literal photographic sense in which the term has been used to define certain forms of Western literature and art”) [Hare: IX], — и акцентирует в русском реализме внимание (подразумевается — сочувственное, хотя это слово здесь не появляется) к внутреннему миру человека как отправную точку для развития сюжетов и характеров.

В то же время Р. Хэйр не только подводит итог выработанным представлениям об особенном характере русского реализма, но и углубляет их. Утверждая, что константным признаком русской классической литературы является стремление к некоему «иному плану бытия», он едва ли не первым¹² совершает попытку определить то, о чем в отечественном литературоведении скажут позже и во многом по-другому В. М. Маркович и В. Н. Захаров. Невозможно, однако, назвать эту попытку удачной, поскольку, будучи философом, занимающимся вопросами этики и морали вне религии, Хэйр предпринимает попытку «схватить» религиозные основания

¹¹ На глубокое знакомство Хэйра с бэринговскими работами указывает, в частности, и тот факт, что указанный перевод цитируется по одной из поздних просветительских книг М. Бэринга (*Lost Lectures*, 1932).

¹² Чуть ранее на «ощущение иного мира» (“sense of another world”) в русской поэзии указал его коллега по Оксфордскому университету, профессор и авторитетный переводчик Сесил Боура (Cecil Bowra) в предисловии к антологии русской лирики (первое издание — 1943 г.) [Bowra: XVII].

русского реализма без опоры на слова «религия», «религиозность», «христианство», «православие» и т. п. и весь круг понятий, с ними связанных. Таким образом, он подменяет Вечность и Бога как основное содержание «иного плана бытия» в русском реализме социальной справедливостью (или мечтой о ней) и представлением (романтическим по своему происхождению) о трансцендентной реальности. По его мысли, в произведениях великих русских писателей-реалистов «почти неизбежно выражено стремление к чему-то недостижимому, тому, что находится за границами обыденной реальности и что <...> может указывать на лучшую жизнь отдаленного грядущего поколения или же указывать на отделенный от нас совершенный духовный мир» (“he almost inevitably gives voice to a striving for something hitherto unattainable, right outside the everyday realistic setting, to an imaginative yearning which <...> pointed either to the better life of some distant generation or to a more perfect spiritual world apart”) [Hare: XII].

В стремлении к недостижимому, с одной стороны, и в драматизме русской истории, с другой, Хэйр видит истоки амбивалентной заряженности классической русской литературы, в которой одновременно царит атмосфера грусти и уныния, связанная с нескончаемыми страданиями героев, и исподволь утверждает себя «мягкий юмор» и «всепроникающая ирония» — признаки «моральной силы», мужественного принятия жизни (“it is shot through and relieved by flashes of warm humour, by penetrating irony, and by a strong undertone of moral encouragement”) [Hare: XII]. Отсюда у Хэйра возникает тезис о необычайной моральной зрелости русской литературы: «Тот факт, что она оказалась самой молодой из всех мировых литератур, не помешал ей стать наиболее зрелой в духовном плане» (“the fact that it was the youngest of the world’s great literatures did not prevent it from being at its best the most spiritually mature”) [Hare: VIII].

В векторе, заданном Д. С. Мирским, но с новым акцентом на производимом на читателя впечатлении, описаны черты русского реализма и в книге «крупного зарубежного слависта» [Урнов], профессора Колумбийского университета Эрнеста Симмонса — «Введение в русский реализм» (*Introduction to*

Russian Realism, 1965). Размышления о специфике русского реализма он начинает фактически с отрицания правомерности самого термина «реализм»: «Я с недоверием отношусь к попыткам определить реализм с такой же точностью, с которой ученые формулируют физические законы природы. <...> Если реализм в литературе и существует, то существует только как взгляд художника на жизнь» (“I distrust efforts to define realism with the finality which scientists define physical laws of nature. <...> If it is anything, realism in fiction is a literary artist’s way of looking at life”) [Simmons: 3].

При этом концепцию сочувствующего реализма Симмонс осмысляет сквозь призму структуралистских представлений о литературе как об особой коммуникативной системе и принципиально указывает на «субъективный элемент», который играет огромную роль как в способах отбора, организации, интерпретации фактов реальности писателем, так и в читательских реакциях на авторский подход к изображению реальности [Simmons: 3–4]. Специфику русского реалистического романа он определяет описательной фразой «поэзия реальной жизни» (“poetry of real life”) [Simmons: 19], указывает на позицию автора по отношению к своим героям как на позицию «сочувствия» (“compassion”) [Simmons: 38], определяет в качестве хронологических и творческих границ русского реализма творчество Пушкина и Чехова и поясняет в главах, посвященных великим русским писателям, индивидуальные особенности их стиля, нарративных структур, сюжета и характеров. Обобщая, Симмонс указывает на то, что Пушкин и Чехов равно избегали открытого философствования, склонялись к краткости повествования и лаконичной обрисовке положений и характеров и при этом достигали (как и другие русские классики) такой полноты эффекта реальности, что их герои по сей день воспринимаются читателем как «живые и жизненные» (“still vital and alive”), а их произведения «говорят с нами таким языком, который никогда не перестанет тревожить наше сознание (или совесть)» (“speak to us in a way that never ceases to stir our conscience”) (Simmons: 185). Таким образом, в книге Симмонса структуралистская теория аккуратно

синтезирована с традиционной для английской славистики концепцией русского реализма.

1970–1990-е гг. отмечены работами Джона Бейли с характерной тенденцией отказа от разговора об особенных свойствах русского реализма. Акцентируя то традиционную мысль о социально-историческом детерминизме как основе реалистического метода, то структуралистское представление о реализме как способе убеждения читателя в реалистичности создаваемой средствами искусства картины мира, Бейли фактически отрицал значимость размышлений об особой «ауре» русского реализма. Принципиальная смысловая лакунарность такого рода не могла не означать принципиальную же позицию отрицания этой «особости». В своей монографии «Пушкин. Компаративное исследование» (*Pushkin. A Comparative Commentary*, 1971) Бейли в описании пушкинского реализма опирается на известные определения Лукача и Гуковского (отражающие идею социально-исторического детерминизма) и характеризует пушкинский реализм как «творческое воплощение в искусстве исторического процесса и тех ролей, которые играют в нем классы и индивиды» (“imaginative embodiment in art of the historical process, and of the part played in it by classes and individuals”) [Bayley, 1971: 18]. В рецензии же 1990 г. на книгу Э. Бриггса о Лермонтове (*You May Not Need to Know This*) ученый с позиции «убеждающего дискурса реальности» нащупывает другой принцип изображения характеров в русском классическом романе от Пушкина до Достоевского и определяет его глаголом «наслаивать» (“to sandwich”): русские писатели, по его мысли, наслаивают друг на друга разноречивые импульсы, действующие в героях, так что их действия и мотивы производят эффект несообразности и выбор героя оказывается естественно и в то же время извращенно (по отношению к логическому мышлению) спонтанным (“to sandwich together conflicting impulses, some born of books, some in response to a real situation, so as to produce an incongruity which has something genuinely and perversely spontaneous about it”) [Bayley, 1990].

Научные тексты, созданные в англо-американской славистике в начале XXI в., свидетельствуют о переключении

внимания с проблемы сущности реализма вообще и русского реализма в частности на вопросы художественно-риторических приемов или же политической идеологии. Первая из означенных тенденций, очевидным образом продолжая (пост)-структуралистскую линию изучения реализма, определила вектор осмысления русского романа в кембриджской коллективной монографии 1998 г. [Jones, Miller]. В ней основное внимание уделяется особенностям сюжетостроения и нарративных техник русского романа XIX в. Вторая тенденция связана с утверждением на рубеже XX–XXI вв. парадигмы нового историзма и постколониальной теории. Она воплотилась, в том числе, в разоблачительно-антиколониальном пафосе статей 2000–2010-х гг. о пушкинской «Полтаве» [Doak], [Steiner], [Krol]¹³ и особенно явно определила пафос монографии Э. М. Томпсон (Ewa Thompson) «Имперское знание: русская литература и колониализм» (*Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*, 2000) [Thompson]. В своей рецензии на эту книгу американская пушкинистка К. Хокансон справедливо высвечивает авторские установки ориенталистского толка, обуславливающие выводы о недостаточно высоком качестве русской литературы в целом, так же как об иррациональных, низменных мотивах, движущих ее авторами [Hokanson: 264].

Как видим, в английской славистике в 1910–1920-е гг. сформировались, а к 1940-м гг. укрепили свои позиции две концепции русского реализма: этнокультурная (М. Бэринг) и концепция сочувствующего (*sympathetic*) реализма (Д. С. Мирский) — из которых последняя стала доминирующей. В работах 1960–1990-х гг. (Бриггс, Хэйр) концепция сочувствующего реализма модифицировалась под влиянием структуралистских и постструктуралистских идей: акцент стал падать на приемы убеждения в правдивости созданного образа мира. У Джона Бейли нашла выражение новая позиция отрицания особых свойств русского реализма и обращение к теориям социально-психологического и исторического детерминизма и постструктурализма. Последняя приобрела особые «психоаналитические» очертания в одной из рецензий

¹³ Подробнее об этом см.: [Королева, 2024].

Джона Бейли, где на первый план вышло суждение о противоречивых иррациональных импульсах, действующих в персонажах русской классической литературы. В начале XXI в. под влиянием постколониальной теории и школы нового историзма в англоязычную славистику (Доук, Крол, Томпсон) входит дискурс об империалистической основе мировоззрения русских поэтов и писателей XIX в. и колонизаторском пафосе их произведений.

Таким образом, потенциал обращения к христианскому, православному миропониманию как к сюжетной и аксиологической основе классического русского реализма, намеченный в английской славистике в начале XX в., к его концу оказался не только нереализованным, но и не востребованным. Попытка Р. Хэйра осмыслить глубинную суть «двух планов бытия» в русском классическом романе вне религиозной парадигмы оказалась безуспешной.

Список литературы

1. Абрамович Н. Я. Христос Достоевского. М.: Изд. И. А. Маевского, 1914. 164 с.
2. Ауэрбах Э. Мимесис: изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. с нем. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии, 1843; Статьи о Пушкине, 1843–1846 / под ред. Д. Д. Благого, подгот. текста и коммент., сост. В. С. Спиридонова. 740 с.
4. Благой Д. Д. Поэзия действительности: о своеобразии и мировом значении русского реализма XIX века. М.: Сов. писатель, 1961. 166 с.
5. Брансон М. Русские реализмы. Литература и живопись, 1840–1890 / пер. с англ. Е. Гавриловой. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2022. 398 с. (Сер.: Совр. запад. русистика.)
6. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 200–212. EDN: ZSOZUH
7. Васильева Ж. Не отменяем, а пристально изучаем: русские реализмы глазами американки // The Art Newspaper Russia. 2023. № 107. 20.01.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230120-xkoz/?ysclid=mp3t3gra2n326050813> (12.01.2026).
8. Гинзбург Л. Я. Пушкин и проблема реализма // Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности: статьи, эссе, заметки. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 53–74.

9. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров: статьи / пер. с англ. А. Л. Никифорова и др. М.: Идея-Пресс: Логос: Праксис, 2001. 376 с. (Сер.: Универ. б-ка.)
10. Гуревич А. М. Динамика реализма (в русской литературе XIX в.). М.: ГИТИС, 1994. 88 с.
11. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с. EDN: SUEQPL
12. Ефимов М. В. Д. П. Святополк-Мирский — историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920–1932): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 390 с. EDN: VSWETH
13. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетГГУ, 2001. Вып. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (12.01.2026). EDN: RUYKSF
14. Захаров В. Н. «Ужель та самая Татьяна...»: спор о пушкинской героине в русской литературе второй половины XIX в. (Толстой, Достоевский и другие) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 222–242 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1764666816.pdf (12.01.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.16102. EDN: FYXJTK
15. Казнина О. А. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 218–232. EDN: VSUTLU
16. Королева С. Б. «Полтава» А. С. Пушкина vs «Мазепа» Байрона: аспекты полемики и ее отражение в англоязычном пушкиноведении // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 4. С. 64–89 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2024-6-4/4_Koroleva.pdf (12.01.2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-4-64-89. EDN: HWXKIC
17. Королева С. Б. Морис Бэринг и английская пушкинистика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2025. Т. 22. № 2. С. 420–436 [Электронный ресурс]. URL: <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/22974/13560> (12.01.2026). DOI: 10.21638/spbu09.2025.211. EDN: TESDZT
18. Лотман Ю. М. Пушкин. Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 187–211. (а)
19. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 393–462. (б)
20. Маркович В. М. О Пушкине: работы разных лет / под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2023. 351 с.
21. Мирский Д. П. О литературе и искусстве: статьи и рецензии, 1922–1937. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 616 с. (Сер.: Филологическое наследие.) EDN: SUFNXL

22. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма / пер. с англ. Т. Я. Казавчинской. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
23. Полубояринова Л. Н. Понятие реализма в истории литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. Вып. 3. С. 57–62 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-realizma-v-istorii-literatury/viewer> (12.01.2026). EDN: RUCALJ
24. Симаков Н. К. Ф. М. Достоевский — проповедник Христа и бессмертия души. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. 72 с.
25. Трыков В. П. Пушкин в книге Эжена-Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 3 (32). С. 135–140 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16862479_49801766.pdf (12.01.2026). EDN: OFAAYV
26. Урнов Д. [Эпиграф к статье «Симмонс Э. Он избрал свой путь»] // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 40.
27. Цветкова Н. В. «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С. П. Шевырева к Ф. М. Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–150 [Электронный ресурс]. https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-разв-127-150.pdf (12.01.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW
28. Baring M. Landmarks in Russian Literature. London: Methuen and Co., 1910. 299 p.
29. Baring M. The Mainsprings of Russia. London [etc.]: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
30. Baring M. An Outline of Russian Literature / preface by author's; ed. H. Fisher, G. Murray, A. Thomson, and W. Brewster. London: Williams and Norgate; New York [etc.]: Henry Holt and Co (Richard Clay and Sons, Limited), 1915. 256 p. (Ser.: Home University Library of Modern Knowledge.)
31. Bayley J. Pushkin. A Comparative Commentary. London; New York: Cambridge University Press, 1971. 368 p. (Ser.: Companion Studies.)
32. Bayley J. You May Not Need to Know This. A Review of a Wicked Irony: The Rhetoric of Lermontov's "A Hero of Our Time" by Andrew Barratt and A. D. P. Briggs // London Review of Books. 1990. Vol. 12. No. 16. August 30 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v12/n16/john-bayley/you-may-not-need-to-know-this> (12.01.2026).
33. Bowra C. M. A Book of Russian Verse / transl. into English by Various Hands and ed. by C. M. Bowra. London: Macmillan and Co. Ltd., 1943. 127 p.
34. Doak C. B. Poltava at 300: Re-reading Byron's "Mazeppa" and Pushkin's "Poltava" in the Post-Soviet Era // Association for Slavic, East European,

- and Eurasian Studies. 2010. Vol. 24. No. 1–2. P. 83–101 [Электронный ресурс]. URL: <https://miskinhill.com.au/journals/asees/24:1-2/poltava-at-300.pdf> (12.01.2026).
35. Hare R. *Russian Literature from Pushkin to the Present Day*. London: Methuen and Co. Ltd., 1947. XIII, 258 p. (Ser.: Home Study Books.)
  36. Hokanson K. “Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism by Ewa M. Thompson”: Review // *Comparative Literature Studies*. 2001. Vol. 38. No. 3. P. 264–266. DOI: 10.1353/cls.2001.0023
  37. [Jones M. V., Miller R. F.] *The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel* / ed. by M. V. Jones and R. F. Miller. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 1998. 312 p. (Ser.: Cambridge Companions to Literature.)
  38. Krol T. *The Literary Portrayals of Ivan Mazepa in Byron’s “Mazeppa” and Pushkin’s “Poltava”: A Comparative Analysis* // *Studia Rossica Posnanien-sia*. 2023. Vol. 48. No. 1. P. 9–22. DOI: 10.14746/strp.2023.48.1.1
  39. Lavrin J. *Pushkin and Russian Literature*. London: Hodder and Stoughton Ltd. for the English Universities Press, 1947. 226 p.
  40. Mirsky D. S. *A History of Russian Literature*. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1949. 518, 24 p.
  41. Mirsky D. S. *Pushkin* // Mirsky D. S. *Uncollected Writings on Russian Literature* / ed., with an Introduction and Bibliography, by G. S. Smith. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. P. 118–131. (Ser.: Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; vol. 13.)
  42. Murry J. M. *Fyodor Dostoevsky: A Critical Study*. London: Martin Secker, 1916. 264 p.
  43. Simmons E. J. *Introduction to Russian Realism: Pushkin. Gogol. Dostoevsky. Tolstoy. Chekhov. Sholokhov*. Bloomington: Indiana University Press, 1965. 275 p. (Ser.: A Midland Book.)
  44. Steiner L. “My Most Mature Poëma”: Pushkin’s “Poltava” and the Irony of Russian National Culture // *Comparative Literature*. 2009. Vol. 61. No. 2. P. 97–127. DOI: 10.1215/00104124-2009-001
  45. Thompson E. M. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2000. 239 p. (Ser.: Contributions to the Study of World Literature; no. 99.)
  46. *Varieties of Russian Realism: A Seminar to Be Held at the University of California on March 29 — April 1, 2018* // Center for Russian, East European and Eurasian Studies at The University of Texas at Austin. September 13, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.utexas.edu/creees/2017/09/13/seminar-varieties-of-russian-realism-acla-ucla/> (12.01.2026).
  47. Vogüé E.-M., de. *The Russian Novel* / Transl. from the 11-th French ed. by H. A. Sywyer. London: Chapman and Hall, 1913. 337 p.
  48. Woolf V. *Modern Fiction* // Woolf V. *Collected Essays: in 2 vols*. London: Hogarth Press, 1966. Vol. II. P. 103–110.
  49. Woolf V. *The Russian Point of View* // Woolf V. *The Common Reader*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1925. P. 243–256.

References

1. Abramovich N. Ya. *Khristos Dostoevskogo* [Dostoevsky's Christ]. Moscow, I. A. Maevskiy Publ., 1914. 164 p. (In Russ.)
2. Auerbach E. *Mimesis: izobrazhenie deystvitel'nosti v zapadnoevropeyskoy literature* [Mimesis: Depicting the Reality in Western European Literature]. Moscow, Progress Publ., 1976. 556 p. (In Russ.)
3. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 7: Articles and Reviews, 1843; Articles About Pushkin, 1843–1846. 740 p. (In Russ.)
4. Blagoy D. D. *Poeziya deystvitel'nosti: o svoeobrazii i mirovom znachenii russkogo realizma XIX veka* [The Poetry of Reality: About the Originality and Global Significance of Russian Realism of the 19th Century]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 166 p. (In Russ.)
5. Brunson M. *Russkie realizmy. Literatura i zhivopis', 1840–1890* [Russian Realisms. Literature and Arts, 1840–1890]. St. Petersburg, Biblirossika Publ., Boston, Academic Studies Press Publ., 2022. 398 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
6. Budanova N. F. From “Everyman” to the “Russian Wanderer” and “All-Man” (Lexical Notes). In: *Dostoevsky. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 200–212. EDN: ZSOZUH (In Russ.)
7. Vasil'eva Zh. Not Cancelling, but Closely Studying: Russian Realism Through the Eyes of an American. In: *The Art Newspaper Russia*, 2023, no. 107. 20.01.2023. Available at: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230120-xkoz/?y-sclid=mp3t3gra2n326050813> (accessed on January 12, 2026). (In Russ.)
8. Ginzburg L. Ya. Pushkin and the Problem of Realism. In: *Ginzburg L. Ya. Literatura v poiskakh real'nosti: stat'i, esse, zametki* [Ginzburg L. Ya. Literature in Searching for Reality: Articles, Essays, Notes]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1987, pp. 53–74. (In Russ.)
9. Gudmen N. *Fakt, fantaziya i predskazanie. Sposoby sozdaniya mirov: stat'i* [Fact, Fantasy, and Prediction. Methods of Creating Worlds: Articles]. Moscow, Ideya-Press Publ., Logos Publ., Praxis Publ., 2001. 376 p. (Ser.: University Library.) (In Russ.)
10. Gurevich A. M. *Dinamika realizma (v russkoy literature XIX v.)* [Dynamics of Realism (in Russian Literature of the 19th Century)]. Moscow, The Russian Institute of Theatre Arts Publ., 1994. 88 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: New Understanding]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2012. 448 p. EDN: SUEQPL (In Russ.)
12. Efimov M. V. *D. P. Svyatopolk-Mirskiy — istorik russkoy literatury i literaturnyy kritik. Gody emigratsii (1920–1932): dis. ... kand. filol. nauk* [D. P. Svyatopolk-Mirsky as a Historian of Russian Literature and a Literary Critic: Years of Emigration (1920–1932)]. PhD. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 390 p. EDN: VSWETH (In Russ.)

13. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (the Statement of Problem). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on January 12, 2026). EDN: RUYKSF (In Russ.)
14. Zakharov V. N. “Is This Really the Same Tatiana...”: The Dispute About Pushkin’s Heroine in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century (Tolstoy, Dostoevsky, and Others). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 222–242. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1764666816.pdf (accessed on January 12, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.16102. EDN: FYXJTK (In Russ.)
15. Kaznina O. A. D. Misky. Uncollected Articles on Russian Literature. In: *Voprosy literatury*, 1990, no. 1, pp. 218–232. EDN: VSUTLU (In Russ.)
16. Koroleva S. B. Pushkin’s “Poltava” vs Byron’s “Mazepa”: Aspects of the Controversy and Its Reflection in English Pushkin Studies. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of the Russian Classics]*, 2024, vol. 6, no. 4, pp. 64–89. Available at: https://rusklassika.ru/images/2024-6-4/4_Koroleva.pdf (accessed on January 12, 2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-4-64-89. EDN: HWXKIC (In Russ.)
17. Koroleva S. B. Maurice Baring and English Pushkin Studies. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 2025, vol. 22, no. 2, pp. 420–436. Available at: <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/22974/13560> (accessed on January 12, 2026). DOI: 10.21638/spbu09.2025.211. EDN: TESDZT (In Russ.)
18. Lotman Yu. M. Pushkin. An Essay of Works. In: *Lotman Yu. M. Pushkin: biografiya pisatel’a; Stat’i i zametki, 1960–1990; “Evgeniy Onegin”: kommentariy [Lotman Yu. M. Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, pp. 187–211. (In Russ.) (a)
19. Lotman Yu. M. Pushkin’s Novel in Verse “Eugene Onegin”: a Special Course. Introductory Lectures to the Study of the Text. In: *Lotman Yu. M. Pushkin: biografiya pisatel’a; Stat’i i zametki, 1960–1990; “Evgeniy Onegin”: kommentariy [Lotman Yu. M. Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, pp. 393–462. (In Russ.) (b)
20. Markovich V. M. *O Pushkine: raboty raznykh let [On Pushkin: Works of Different Years]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023. 351 p. (In Russ.)
21. Mirskiy D. P. *O literature i iskusstve: stat’i i retsenzii, 1922–1937 [On Literature and Arts: Articles and Reviews, 1922–1937]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 616 p. (Ser.: Philological Heritage.) EDN: SUFHXL (In Russ.)
22. Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy — chelovek epokhi realizma [Semiotics of Behaviour: Nikolay Chernyshevsky — a Man of the*

- Epoch of Realism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 207 p. (In Russ.)
23. Poluboyarinova L. N. The Concept of Realism in Literary History. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations], 2007, issue 3, pp. 57–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-realizma-v-istorii-literaturny/vviewer> (accessed on January 12, 2026). EDN: RUCALJ (In Russ.)
  24. Simakov N. K. F. M. *Dostoevskiy — propovednik Khrista i bessmertiya dushi* [F. M. Dostoevsky, a Preacher of Christ and the Immortality of the Soul]. St. Petersburg, Obshestvo pamyati igumenii Taisii Publ., 2017. 72 p. (In Russ.)
  25. Trykov V. P. Pushkin in Eugene-Melchior de Vogüé’s Book “The Russian Novel”. In: *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of the Ryazan State University Named After S. A. Yesenin], 2011, no. 3 (32), pp. 135–140. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16862479_49801766.pdf (accessed on January 12, 2026). EDN: OFAAYV (In Russ.)
  26. Urnov D. An Epigraph to an Article “Simmons E. He Has Chosen His Way”. In: *Voprosy literary*, 1990, no. 5, p. 40. (In Russ.)
  27. Tsvetkova N. V. “Ultimately Human” and “An Ultimate Human Being”: From S. Shevryev to F. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2018, no. 2, pp. 127–150. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-pa3B-127-150.pdf (accessed on January 12, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW (In Russ.)
  28. Baring M. *Landmarks in Russian Literature*. London, Methuen and Co. Publ., 1910. 299 p. (In English)
  29. Baring M. *The Mainsprings of Russia*. London [etc.], Thomas Nelson and Sons Publ., 1914. 328 p. (In English)
  30. Baring M. *An Outline of Russian Literature*. London, Williams and Norgate Publ., New York, Henry Holt and Co. (Richard Clay and Sons, Limited) Publ., 1915. 256 p. (Ser.: Home University Library of Modern Knowledge.) (In English)
  31. Bayley J. *Pushkin. A Comparative Commentary*. London, New York, Cambridge University Press Publ., 1971. 368 p. (Ser.: Companion Studies.) (In English)
  32. Bayley J. You May Not Need to Know This. A Review of a Wicked Irony: The Rhetoric of Lermontov’s “A Hero of Our Time” by Andrew Barratt and A. D. P. Briggs. In: *London Review of Books*, 1990, vol. 12, no. 16, August 30. Available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v12/n16/john-bayley/you-may-not-need-to-know-this> (accessed on January 12, 2026). (In English)
  33. Bowra C. M. *A Book of Russian Verse*. London, Macmillan and Co. Ltd. Publ., 1943. 127 p. (In English)

34. Doak C. B. Poltava at 300: Re-reading Byron's "Mazeppa" and Pushkin's "Poltava" in the Post-Soviet Era. In: *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*, 2010, vol. 24, no. 1–2, pp. 83–101. Available at: <https://miskinhill.com.au/journals/asees/24:1-2/poltava-at-300.pdf> (accessed on January 12, 2026). (In English)
35. Hare R. *Russian Literature from Pushkin to the Present Day*. London, Methuen and Co. Ltd. Publ., 1947. XIII, 258 p. (Ser.: Home Study Books.) (In English)
36. Hokanson K. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism, by Ewa M. Thompson: Review. In: *Comparative Literature Studies*, 2001, vol. 38, no. 3, pp. 264–266. DOI: 10.1353/cls.2001.0023 (In English)
37. Jones M. V., Miller R. F. *The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel*. Cambridge [etc.], Cambridge University Press Publ., 1998. 312 p. (Ser.: Cambridge Companions to Literature.) (In English)
38. Krol T. The Literary Portrayals of Ivan Mazepa in Byron's "Mazeppa" and Pushkin's "Poltava": A Comparative Analysis. In: *Studia Rossica Posnanien-sia*, 2023, vol. 48, no. 1, pp. 9–22. DOI: 10.14746/strp.2023.48.1.1 (In English)
39. Lavrin J. *Pushkin and Russian Literature*. London, Hodder and Stoughton Ltd. for the English Universities Press Publ., 1947. 226 p. (In English)
40. Mirsky D. S. *A History of Russian Literature*. London, Routledge and Kegan Paul Ltd. Publ., 1949. 518, 24 p. (In English)
41. Mirsky D. S. Pushkin. In: *Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian Literature*. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties Publ., 1989, pp. 118–131. (Ser.: Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; vol. 13.) (In English)
42. Murry J. M. *Fyodor Dostoevsky: A Critical Study*. London, Martin Secker Publ., 1916. 264 p. (In English)
43. Simmons E. J. *Introduction to Russian Realism: Pushkin. Gogol. Dostoevsky. Tolstoy. Chekhov. Sholokhov*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1965. 275 p. (Ser.: A Midland Book.) (In English)
44. Steiner L. "My Most Mature Poëma": Pushkin's "Poltava" and the Irony of Russian National Culture. In: *Comparative Literature*, 2009, vol. 61, no. 2, pp. 97–127. DOI: 10.1215/00104124-2009-001 (In English)
45. Thompson E. M. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport, Connecticut, Greenwood Press Publ., 2000. 239 p. (Ser.: Contributions to the Study of World Literature; no. 99.) (In English)
46. Varieties of Russian Realism: A Seminar to Be Held at the University of California on March 29 — April 1, 2018. In: *Center for Russian, East European and Eurasian Studies at The University of Texas at Austin*. September 13, 2017. Available at: <https://sites.utexas.edu/creees/2017/09/13/seminar-varieties-of-russian-realism-acla-ucla/> (accessed on January 12, 2026). (In English)
47. Vogüé E.-M., de. *The Russian Novel* / Transl. from the 11-th French ed. by H. A. Sywyer. London, Chapman and Hall Publ., 1913. 337 p. (In English)

48. Woolf V. Modern Fiction. In: *Woolf V. Collected Essays: in 2 Vols.* London, Hogarth Press Publ., 1966, vol. 2, pp. 103–110. (In English)
49. Woolf V. The Russian Point of View. In: *Woolf V. The Common Reader.* New York, Harcourt, Brace and Company Publ., 1925, pp. 243–256. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королева Светлана Борисовна, Svetlana B. Koroleva, PhD (Philology), доктор филологических наук, доцент, заведующий научной лабораторией «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (ул. Минина, 31а, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603155); ORCID: 0000-0002-7587-9027; e-mail: svetlakor0808@gmail.com.

Associate Professor, Head of the Scientific Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod (ul. Minina 31a, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7587-9027; e-mail: svetlakor0808@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 20.02.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.03.2026

Принята к публикации / Accepted 21.03.2026

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026